

Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. (Курс лекций.) — Изд-во Моск. ун-та, 1954. 204 стр.

Следует приветствовать начинание кафедры русского языка Московского университета, направленное на создание учебных пособий по курсу современного русского языка. В 1953 г. вышло под ред. акад. В. В. Виноградова коллективное руководство по морфологии, а осенью 1954 г. опубликована рецензируемая работа проф. Е. М. Галкиной-Федорук.

Книга Е. М. Галкиной-Федорук составлена в соответствии с программой вузовского курса современного русского языка и содержит материалы по вводной части (41 стр.) и лексике (42—220 стр.). Как видно из соотношения страниц, вопросы лексикологии занимают в пособии основное место. Автор обстоятельно, с привлечением большого иллюстративного материала, в доходчивой форме излагает важнейшие проблемы лексикологии и семасиологии. В заключительной главе сообщаются основные сведения из области русской лексикографии.

Работа Е. М. Галкиной-Федорук — учебник, а не монографическое исследование в области лексикологии. Поэтому нельзя требовать от автора самостоятельного решения освещаемых им вопросов, тем более, что научные интересы ее тяготеют к другой области — к области синтаксиса современного русского языка. К учебнику должны быть предъявлены иные требования. Всякое учебное пособие должно заключать понятное для читателей изложение основных проблем той или иной науки, сделанное на уровне современного ее состояния.

Учитывая сказанное, следует положительно охарактеризовать выполненный Е. М. Галкиной-Федорук труд. Подготовленный ею учебник, при отсутствии других популярных работ по русской лексикологии, составленных на основе положений современного языкознания, безусловно, окажется ценным пособием для многочисленных слушателей курса современного русского языка университетов и педагогических институтов нашей страны. Но, являясь первым опытом создания учебного пособия по русской лексикологии в последискуссионный период, книга Е. М. Галкиной-Федорук не лишена целого ряда серьезных недостатков, на которые будет указано ниже.

Критические замечания, которые мы считаем необходимым сделать, будут двоякого рода. В одних случаях автора можно упрекнуть за то, что он преподнесения читателям тех или иных вопросов, в других — необходимы возражения по существу. И те и другие недостатки книги в настоящей рецензии специально не разграничены друг от друга.

Остановимся вначале на первой части, излагающей введение к курсу современного русского языка. На стр. 4 говорится о задачах курса, которые, по словам автора, заключаются в том, чтобы:

- 1) помочь студенту теоретически изучить словарный состав и грамматический строй русского языка;
- 2) дать возможность практически освоить нормы современного русского литературного языка;
- 3) привить изучающим великий русский язык ту любовь и интерес к нему, которые он заслуживает;
- 4) показать изучающим русский язык его богатство и мощь, его огромное значение в жизни общества, в области производства, науки, искусства, политики;
- 5) показать, что русский язык — действительно острейшее орудие развития и борьбы.

Задачи изучения русского языка, как нам кажется, сформулированы здесь недостаточно четко и последовательно. Привить любовь и интерес к изучению русского языка (третья задача) можно успешно, конечно, лишь после того, как преподаватель показал «изучающим русский язык его богатство и мощь» (четвертая задача). Пятая же задача входит в четвертую, ибо показ огромного значения языка в жизни общества — это вместе с тем и есть показ языка как «острейшего орудия развития и борьбы».

На той же странице сообщается о составе курса современного русского языка. Здесь указывается, что данная дисциплина включает в качестве первой своей части «лексику и лексикологию, изучающие словарный состав и устойчивые обороты русского литературного языка». Эта формулировка может привести к ошибочным представлениям. Из цитированного высказывания следует, что существует якобы две науки — лексика и лексикология; можно подумать, что первая из них занимается словарным составом, а вторая — устойчивыми оборотами. Как известно, лексика — это словарный состав языка, а лексикология — наука о словарном составе, наука, изучающая лексику. Поэтому данное автором определение относится не к лексике и лексикологии, а только к последней. Надо заметить, что правильно и достаточно четко сказано об этом на стр. 42: «Лексикой называется совокупность слов какого-нибудь языка»; «лексика... подвергается изучению в особом разделе науки о языке — лексикологии». Тем более нежелательной является путаная формулировка в вводной части учебника.

На стр. 7 сообщается об отличии литературного языка от общенародного русского языка. Автор указывает, что последний включает «всю совокупность речевых средств русского народа, в том числе совокупность всех живых диалектов». Понятие общенародного языка сформулировано автором в самой общей форме и вряд ли окажется понятным для приступающих к изучению курса. Ведь общенародный язык не является столь же конкретной формой речевого общения, как, например, литературный русский язык или какой-либо из его диалектов. Следовало бы отметить, что основой общенародного языка является то общее в словаре, звуковой системе, грамматическом строе, что объединяет литературный русский язык и диалекты. Благодаря наличию этой общей основы и можно говорить об общенародном языке, как о совокупности всех речевых средств русского народа. Желательно было бы в этом разделе сказать о том, что следует считать русским национальным языком: общенародный русский язык или же только его литературную форму. Это остается неясным для читателя.

Как известно, важнейшей отличительной чертой русского литературного языка является его нормированный характер. О существующих нормах этого языка говорится на стр. 10—12, причем необходимость их объясняется так: «вследствие того, что литературный язык — высшее достижение речевой культуры народа, к литературному языку предъявляются известные требования, в нем существуют нормы» (стр. 9). Это объяснение является весьма нечетким и не раскрывает причины нормированности литературного языка. Наличие определенных норм свойственно всякой форме языка, в том числе и диалекту. Неверно возмущено часто встречающееся утверждение о том, что в диалектах нет никаких норм. Ведь в любом диалекте существуют известные особенности в области словоупотребления, фонетики, грамматического строя. Пользующийся тем или иным диалектом вынужден соблюдать эти особенности, которые и составляют нормы данного диалекта. Но нормы (или правила речевого употребления), свойственные диалектам, никем сознательно не регулируются, их развитие никем не контролируется. Другое дело в литературном языке, где производится сознательный отбор существующих норм языкового общения, где их развитие направляется определенным образом учеными, писателями, школой и т. д.

Наличие в языке правил речевого употребления обусловлено его общественной природой, т. е. тем, что язык призван обслуживать как средство общения тот или иной коллектив людей. Эту же свою функцию язык может выполнить только при условии соблюдения говорящими существующих в языке норм. Литературный язык является высшей формой общенационального языка, обслуживающей культурные потребности народа. В нем соблюдение определенных норм приобретает особо важное значение, ибо оно имеет задачей поддерживать единообразие языка.

Автор приводит много примеров наиболее часто встречающихся случаев несоблюдения норм литературного языка. Но было бы желательным в разделе о нормах упомянуть не только об отклонениях от них, об ошибках, а сказать и о самих нормах, чего, к сожалению, мы не находим. Говорится о том, что не принято, а о принятом в литературном языке, о важнейших его правилах не сообщается. Можно было бы, например, сказать о правилах произношения гласных, употребления грамматических форм, построения предложений.

В особом разделе говорится о разновидностях устной и письменной формы русского литературного языка. На стр. 13 сообщается, что русский общенародный язык может быть литературным и нелитературным. «Нелитературный русский язык, понятный в основном для каждого русского человека, не единообразен, не монолитен и не имеет письменной формы. В нем имеется две формы: 1) разговорно-устная прозаическая форма, которая обслуживает общение масс и включает в себя простонародные и просторечные элементы, и 2) устно-поэтическая форма, которая имеет свои специфические формы образительности, особые приемы народной поэзии».

В этом высказывании автора много непонятного. Что такое нелитературный язык? Диалект это или нет? Если под нелитературным языком имеется в виду совокупность диалектов, то неясно, как она может быть понятна для «каждого русского человека». Ведь отдельные диалекты этим свойством не обладают. Автор указывает на две формы нелитературного языка, из которых первая «разговорно-устная прозаическая» и обслуживает общение масс. Так ли это? Можно ли утверждать, что в современных условиях диалекты «обслуживают общение масс»? Думается, что нет, так как основным средством общения масс в наше время становится литературный язык, все более и более вытесняющий местные диалекты. Нам кажется, что Е. М. Галкиной-Федорук вообще не надо было прибегать в своем курсе к такому недостаточно определенному понятию, как нелитературный язык. Гораздо проще и яснее было бы говорить о делении общенародного языка на литературный язык и народные говоры.

Касаюсь устной и письменной формы литературного языка, Е. М. Галкина-Федорук пишет, что «в устной форме он является языковым материалом лекций, докладов, выступлений на сцене, даже беседы-разговора, рассказа, но без примеси просторечных и диалектных элементов...» (стр. 13).

С таким определением устной формы литературного языка нельзя согласиться.

Употребление устной формы литературного языка в качестве материала лекций и докладов не является типичным. Ведь языковое оформление лекций и докладов осуществляется обычно в плане требований письменной речи. Как в свое время указывал Л. В. Щерба, основной формой письменного языка является монолог, повествование (что мы имеем в лекциях и докладах), а устной речи — диалог. Следовательно, для устной формы характерно прежде всего использование ее в разговоре, диалоге. А автор книги об этом сообщает с некоторой оговоркой («даже беседы-разговора»).

Правда, несколько ниже говорится о делении устного литературного языка на устно-разговорный и устно-книжный. Но, к сожалению, об устно-разговорной разновидности в вводной части учебника почти ничего не сказано, автор ограничивается рассмотрением стилевых разновидностей письменной формы литературного языка.

Вызывает ряд возражений и раздел вводной части, касающийся стилевых разновидностей письменной формы литературного языка (стр. 14 и сл.). Прежде всего неясно, почему автор говорит здесь только о стилевых разновидностях письменной формы литературного языка? Ведь проблема стиля касается языка в целом, а не только его письменной формы.

Е. М. Галкина-Федорук намечает ряд таких стилевых разновидностей: стиль художественной литературы, стиль научный, стиль техническо-производственный, стиль общественно-публицистический, стиль канцелярский, стиль эпистолярно-повествовательный. Намечая перечисленные выше разновидности, автор отстает от поставленной им цели — дать обзор стилей письменной формы языка, ибо среди намеченных им разновидностей есть и такие, которые имеют отношение к устно-разговорной форме. Например, можно ли стиль техническо-производственный, обслуживающий, по словам автора, нужды общения в производстве, целиком относить к письменной форме литературного языка? Нам думается что нет.

В вводной части отсутствует определение стиля. Между тем, прежде чем говорить о стилевых разновидностях языка, следовало бы сказать вообще о стиле. Правда, об этом упоминается кратко в VI главе, но то, что там сказано, недостаточно и не свободно от противоречий.

Отметим две неточности, нежелательные в учебнике. Так, о жаргонах русского языка сказано, что они «о б с л у ж и в а ю т не народные массы, а узкую эксплуататорскую верхушку общества» (стр. 19). Далее о местных диалектах говорится, что они «в благоприятных условиях могут развиться в самостоятельные языки» (там же; разрядка в обоих случаях наша. — К. Т. и А. Б.). Само собой разумеется, что то и другое положение справедливо только по отношению к прошлому, поэтому здесь уместнее было бы употребить подчеркнутые нами глаголы в прошедшем времени.

Переходя к обзору основной части учебника, посвященной вопросам лексикологии, надо признать, что содержащийся там материал, безусловно, окажется полезным для студентов, занимающихся изучением курса современного русского языка. В этой части книги в доходчивой форме изложены важнейшие проблемы лексикологии в соответствии с учебной программой. Заслугой автора является привлечение большого количества удачно подобранных иллюстраций, облегчающих усвоение курса. Но вместе с тем и раздел лексикологии вызывает ряд критических замечаний. Прежде всего кажется неоправданным отказ автора от общепринятого разграничения лексикологии и семасиологии. В учебнике вообще нет последнего термина. Между тем выделение семасиологии как особого раздела, занимающегося изучением значения слов, а вполне оправдано научной традицией и методически.

В первой главе (стр. 42—73) автор излагает учение о слове как лексической единице. На стр. 45 указывается, что «слово оформляет, формулирует общее представление или понятие как единицу мышления». Следует по этому поводу заметить, что слово как единица речи выражает только понятие, но не представление. Отношение к тем или иным представлениям носит индивидуальный характер. Надо устранил поэтому из приведенного выше положения упоминание об о б щ и х п р е д с т а в л е н и я х, что не соответствует, кстати, и современной логической и психологической терминологии.

Далее Е. М. Галкина-Федорук останавливается на лексическом значении или лексической стороне слова. «Лексической стороной слова называется соотносительность слова с каким-либо явлением, которое отразившись в нашем сознании, оформилось в виде понятия и облеклось в тот или иной звуковой комплекс» (стр. 45); «лексическое значение в слове — это установленная говорящим коллективом связь звукового комплекса с теми или иными явлениями действительности...» (стр. 47).

Нам кажется, что лексическое значение (или лексическая сторона) слова определяется автором недостаточно ясно и точно. Из приведенных цитат следует, что лексическое значение слова — это его соотносительность (через понятие) с миром явлений или вещей. Такое понимание лексической стороны слова обедняет и суживает ее. Совершенно бесспорно, конечно, что слова отражают предметы и явления объективной действительности. Эта способность слов составляет то, что называется их предметной соотносительностью. Так, предметная соотносительность слова *стол* проявляется в способности дан-

ного слова обозначать предметы, известные под этим названием. При этом предметы обозначаются словами не непосредственно, а лишь при помощи соответствующих понятий об этих предметах. Но значение (лексическая сторона) слова не исчерпывается понятием. Если бы было так, тогда лексическое значение слов, обозначающих одни и те же предметы в разных языках, было бы абсолютно тождественным, чего, однако, в действительности нет. Так, вряд ли можно было говорить об абсолютном тождестве лексической стороны таких слов, как русск. *согласие* — лат. *concordia*, русск. *сокровенность* — укр. *потаємність* и т. д.

Понятие лежит в основе значения слова, оно является определяющим для лексической стороны слова, но последняя шире того понятия, которое лежит в ее основе. Лексическое значение слова возникает на почве органического единства различных элементов, в том числе понятия о предмете, обозначаемом словом, внутренней формы слова, его эмоциональной окрашенности, характерной для многих слов смысловой соотнесенности с другими словами. Несмотря на связь с одним и тем же понятием, русск. *согласие* и лат. *concordia* не совпадают своей лексической стороной вследствие различия их внутренней формы, грамматического значения и различия в смысловой соотнесенности с другими словами.

Автора интересует вопрос, «в каком отношении к понятию находится значение слова? Совпадают ли значение и понятие в слове?», но разрешается он не в плане установления специфики лексической стороны слова. Е. М. Галкина-Федорук полагает, что с понятием связано значение не всех слов. Она указывает на слова, не заключающие в себе логического понятия. Конечно, такие слова имеются, например собственные имена людей (названия местностей, рек, морей и т. д. сюда не относятся, ибо они могут содержать определенные понятия о том, что ими обозначено; ср., например, Москва, Волга, Китай и т. д.), междометия. Но сомнительно, чтобы слово *сосна*, обозначающее конкретное дерево, было лишено понятия. А это, повидимому, следует из приведенного ниже несколько неясного рассуждения автора: «Понятие относит предмет к какому-то кругу явлений; например, *осел* — животное, *роза* — цветок, *сосна* — дерево. Однако мы не можем сказать, что значение слова *сосна* — это дерево» (стр. 45). Нельзя согласиться и с тем, что служебные слова и местоимения не обозначают понятий. Связь с понятием (грамматическим) существует и для этих слов, но она весьма специфична и заметно отличается их от слов полнозначных.

На стр. 47 дается определение слова: «слово — это звуковая единица человеческой речи, обозначающая явления действительности в их расчлененности, грамматически оформленная и понимаемая коллективом людей, объединенных исторической общностью». В этом определении вызывает возражение наименование слова «звуковой единицей». Ведь данное определение касается не звуковой стороны слова, оно прежде всего должно характеризовать слово как л е к с и ч е с к у ю единицу.

Во втором разделе первой главы автор касается вопроса о многозначности слова. Справедливо отмечая ту большую роль, которую в жизни языка играет переносное употребление слов, Е. М. Галкина-Федорук не считает возможным согласиться с объяснением этого явления — ассоциативной связью представлений. Но автор не противопоставляет своей точки зрения отвергаемому объяснению. Между тем нет оснований отказываться от психологического истолкования (наряду с лингвистическим) явления переноса. Ассоциативные связи (или временные нервные связи, по терминологии акад. И. П. Павлова), имеющие место у отдельных людей, получают в известных случаях объективное отражение в языке и приобретают тем самым социально-значимый характер.

Е. М. Галкина-Федорук устанавливает пять способов переноса значений слов: 1) «...на основе сходства обозначаемых предметов по форме, по цвету, по характеру движений и т. д., т. е. на основе метафоры, метонимии»; 2) «...по смежности...», т. е. посредством метонимии»; 3) «...по отношению части к общему»; 4) «...в случае перехода слова из собственного в нарицательное»; 5) «...на основе общей функции» (стр. 54—55). Нам кажется, что в первом случае автор напрасно допускает перенос на основе метонимии. К первой группе (как свидетельствуют приведенные примеры) относятся только случаи переноса на основе метафоры. К области метафоры относятся и примеры переносного употребления на основе общей функции (пятая группа: *крыло* птицы, самолета и т. д.). Следовало бы упомянуть, что в основе примеров, помещенных в третьей группе, лежит так называемая синекдоха.

Как известно, наибольшее количество случаев переноса значения слова имеет в своей основе метафору. Было бы поэтому желательно более подробно рассмотреть явление метафоры в языке, которая иногда носит индивидуальный характер (так называемая поэтическая метафора), иногда же приобретает социальную значимость, что непосредственно и приводит к развитию многозначности слова.

В специальных разделах первой главы рассматриваются омонимы и синонимы. Е. М. Галкина-Федорук совершенно справедливо указывает, что многозначность слов следует отличать от омонимии. Она устанавливается на различных случаях омонимии в русском языке. Отмечаются четыре основных способа возникновения омонимов

(стр. 58—60); 1) «... в результате совпадения первоначально различных звучаний» (например, русск. *браж* и нем. *Brack*); 2) «... при совпадении звучания в процессе словообразования слов» (*засаливать* платье и *засаливать* капусту — от *сáлить* и *солить*); 3) «омонимы возникают и в области производных слов одной и той же непроемной основы. В таком случае значение вновь образованных слов должно настолько обособиться, что синонимы к одному из этих слов уже не могут быть синонимами к другому». Сюда автор относит такие случаи омонимии, как *заговорить* — начать говорить, *заговорить* — заколдовать посредством слова, *заговорить* — утомить разговором; 4) «омонимы возникают и при расщеплении одного слова на два и более, при разрыве между отдельными значениями одного и того же слова», например, *кулак* — сжатая кисть руки и представитель мелкой буржуазии.

Нетрудно заметить, что третий и четвертый способы образования омонимов фактически совпадают. И в том и другом случае находим разрыв между отдельными значениями одного и того же слова, что бывает при обособлении прямых и переносных значений. Надо добавить также, что второй способ сформулирован весьма неясно. При образовании омонимии несущественно, какая в слове основа — производная или непроемная. Главное — это разрыв смысловых связей между прямыми и переносными значениями слова.

В учебнике недостаточно четко указаны основные случаи омонимии в языке. Автор не останавливается на различиях между грамматической и лексической омонимией, ограничиваясь лишь кратким указанием на то, что «наши ученые больше уделяли внимания грамматической омонимии» и что «омонимия лексическая изучалась очень слабо» (стр. 58).

На стр. 62 указывается, что «под синонимами... в настоящее время понимаются слова, различные по звучанию, но или совпадающие, или близкие по значению». Из определения видно, что автор допускает возможность существования в языке слов, совпадающих по значению. С этим согласиться нельзя. В языке нет так называемых абсолютных синонимов, ибо какое-то, иногда трудно уловимое различие между синонимами всегда существует. Это различие может заключаться или в оттенках значения, или в стилистической окрашенности, или же в отличии внутренней формы, что не дает оснований говорить о полном смысловом совпадении даже таких близких слов, как *высокомерный* — *надменный*; *битва* — *сражение*; *языкознание* — *языковедение*; *аэроплан* — *самолет* и т. п. Автор смешивает две разные вещи: тождество логического содержания двух слов (т. е. одинаковость обозначаемых ими понятий) и тождество смысловой стороны, лексического значения этих слов.

Первое в языке вполне возможно. Имеется немало слов, обозначающих одинаковые понятия (*языкознание* — *языковедение*, *битва* — *сражение* и т. д.). Но лексическое значение этих слов не совпадает, ибо оно, как известно, не исчерпывается тем понятием, которое лежит в его основе. Приводимые автором на стр. 65 слова *доказывать* — *аргументировать* мы не можем признать абсолютно тождественными по своему лексическому значению (у них различна «внутренняя форма», различны смысловые связи с другими словами, различается и характер применения).

На той же странице автор сообщает, что «вопрос о том, насколько могут быть синонимами слова чужого языка и слова родного языка, пока еще не решен». Ограничиваясь этим беглым замечанием, Е. М. Галкина-Федорук оставляет читателя в неведении того, чем вызываются подобные сомнения, почему вообще требуется решение этого как будто вполне ясного вопроса. Сам автор не высказывает своей точки зрения (что надо было бы сделать), но в дальнейшем при рассмотрении фактического материала исходит из положения (правильность которого трудно оспаривать), что незнакомые и заимствованные слова могут оказываться в синонимических отношениях.

В разделе, посвященном синонимам, к сожалению, ничего не сказано о синонимических рядах. Между тем изучение существующей в языке соотносительности синонимов имеет чрезвычайно важное как теоретическое, так и практическое значение.

Во второй главе (стр. 74—89) рассматриваются лексические пласты русского языка в свете учения И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе.

Говоря о пополнении основного словарного фонда, Е. М. Галкина-Федорук указывает, что оно происходит «двумя путями: путем появления новых слов, в связи с развитием экономики, культуры, техники и т. д., и путем передвижения слов из словарного состава в основной словарный фонд» (стр. 83).

Нам представляется, что существует только один путь пополнения основного словарного фонда новыми словами — это передвижение слов из словарного состава в основной словарный фонд, что бывает, конечно, обусловлено развитием экономики, культуры и т. д. Слова не могут проникнуть в основной словарный фонд языка, минуя его словарный состав. Поэтому новые слова, появляющиеся в языке в связи с развитием экономики, культуры, техники и т. д., только тогда попадают в основной словарный фонд, когда употребление их приобретает устойчивый характер в течение длительного времени.

На стр. 85—87 рассматриваются основные разряды слов, входящих в словарный

состав русского языка. Автор здесь указывает различные группы слов. Против включения этих категорий слов в словарный состав русского языка нельзя возражать, но следует заметить, что автором не упомянута наиболее значительная группа слов — слова с производными основами. Известно, что существует определенное различие между словами с непроизводными и с производными основами по месту, занимаемому ими в лексическом строе языка. Слова с непроизводными основами (корневые), как правило, являются принадлежностью основного словарного фонда; слова же с производными основами, напротив, по преимуществу, находятся за пределами основного словарного фонда и составляют наиболее существенную часть словарного состава языка. Автором, к сожалению, совсем обойден вопрос об указанном здесь различии. В главе ничего не сказано о том, в каких случаях в основной словарный фонд могут входить слова с производными основами и когда эти слова находятся за его границами.

В третьей главе (стр. 90—112) автор касается составных элементов лексики современного русского языка с точки зрения ее исторического формирования. Первые разделы этой главы посвящены употреблению славянизмов в современном русском языке. Следует упрекнуть автора за то, что он не разграничивает двух близких, но вместе с тем весьма различных по месту и времени существования языков — старославянского и церковнославянского (см. стр. 90—91).

Многие из наличных в русском языке славянизмов (например, *собор, союз, сочетание, восстание, восторг, восход*) заимствованы в том звуковом оформлении, которое они получили в церковнославянском языке, и поэтому не могут быть названы старославянизмами. Удобнее всего поэтому, применительно к современному состоянию, говорить только о славянизмах, имея в виду под этим наименованием как церковнославянизмы, так и старославянизмы.

Е. М. Галкина-Федорук специально останавливается на различиях между славянизмами и русизмами. Она пишет, что славянизмы следует различать по происхождению, по стилю и по звуковому составу корня, но в дальнейшем не показано, каким образом следует применять указанные выше три критерия разграничения славянизмов. Правда, на стр. 92 сказано: «по происхождению к славянизмам следует отнести все те элементы, в которых имеются: а) неполногласные формы...; б) на месте русских звуков ч, ж стоят старославянские щ, жд... и т. д.» (далее перечисляются еще некоторые фонетические признаки славянизмов). Если это различие славянизмов «по происхождению», то что тогда следует иметь в виду под различием «по звуковому составу корня»? Надо добавить, что замечания наши в данном случае — не по существу изложенного материала, а по характеру (недостаточно ясному) его преподнесения. Следовало бы более полно рассмотреть фонетические отличия и особо выделить морфологические признаки славянизмов.

Четвертая глава (стр. 113—124) посвящена составу лексики современного русского языка с точки зрения ее социально-диалектного состава. Здесь можно отметить ряд повторений. Так, например, на стр. 118 опять говорится о необходимости борьбы с излишним употреблением иностранных слов (см. об этом же в разделе об иностранных словах в предыдущей главе, стр. 110—111), на стр. 119 опять подробно перечисляется ряд интернациональных терминов (см. ранее стр. 111—112).

Касаясь жаргонных элементов в современном русском языке, автор дает историческую справку о так называемом блате, которая, несомненно, вызовет недоумение читателей: «В эпоху феодализма, — пишет Е. М. Галкина-Федорук, — угнетаемые феодалами люди, не выносившие притеснений, бежали и составляли особые группы. Были определенные центры..., где эти люди оседали. Такие общества говорили на своем особом арго. Позднее в этом арго возникла дифференциация. Даже название людей, носителей этого арго, было в разных местах различным, например, в Москве их называли — жулики, в Петербурге — мазурики, в других местах — шпана, золоторотцы, галахи, коты, урки, уркаганы, золотая рота и др.» (стр. 123). Эта весьма неясная историческая справка может дать основание читателям полагать, что жулики, мазурики, шпана и т. д. — это люди, не выносившие притеснений феодалов и бежавшие от них в поисках справедливости.

В пятой главе (стр. 124—132), рассматривающей состав лексики современного русского языка с точки зрения выделения активных и пассивных слоев, в разделе о неологизмах довольно подробно говорится об излишнем словотворчестве некоторых поэтов, что не привело, как известно, к обогащению словаря русского языка. Но, к сожалению, автор ничего не сказал о неологизмах советской эпохи, появление которых заметно пополнило лексику русского литературного языка. Это является большим упущением.

Шестая глава (стр. 133—146) касается состава лексики современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической. В этой главе дается понятие о стиле, которое нуждается в большей ясности и четкости. Е. М. Галкина-Федорук начинает этот раздел словами акад. В. В. Виноградова «стиль языка — это семантически замкнутая, экспрессивно-ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той

или пной сфере общественной деятельности». Акад. Виноградов, как видим, дает определение языкового стиля, и питата эта как будто бы является установочной для автора. Но затем Е. М. Галкина-Федорук, развивая мысль В. В. Виноградова, дает определение стиля в совсем ином плане. Она уже говорит о стиле литературного произведения, стиле писателя (стр. 134). В дальнейшем же, касаясь лексических особенностей отдельных стилей (стр. 135—146), автор опять исходит из понятия языкового стиля. Получается, таким образом, противоречие, весьма нежелательное в учебнике.

В главе, как уже упоминалось, рассмотрены довольно подробно лексические особенности основных стилей языка. Материал, здесь собранный, окажется весьма полезным для изучающих курс лексикологии. Поэтому весьма досадными являются некоторые неточности, допущенные автором.

На стр. 136 говорится об эмоциональной лексике. Е. М. Галкина-Федорук правильно отмечает, что эмоционально окрашенная лексика выражает отношение к явлениям действительности: положительное или отрицательное. Но далее автор явно смешивает две вещи: название чувств, настроений человека и специально выражаемое средствами языка эмоциональное отношение говорящего к тому, что обозначается словом. Так, несмотря на то, что слово *доброта* выражает положительное качество, а *злость* — отрицательное — они оба лишены специальной эмоциональной окрашенности¹. Поэтому и неприятие к врагам родины является «положительным чувством, доброта к врагу — резко отрицательным» (стр. 136). Отсутствие в этих словах определенной эмоциональной окрашенности и позволяет употреблять их для обозначения как положительных, так и отрицательных с социальной точки зрения чувств человека. Это было бы невозможным для эмоционально окрашенной лексики. Так, слова *старикашка*, *валандается*, *шляется*, *жрет* мы не употребляем в отношении уважаемого нами человека; и, наоборот, такие слова как *домик*, *цветочек*, *крошечка*, *пташечка* неприменимы к предметам нам неприятным.

Автор делит эмоциональную лексику на следующие группы: 1) слова, обозначающие самые ощущения, эмоции и настроения: *отвращение*, *брезгливость*, *любовь*, *страх*, *нежность* и т. п.; 2) слова, выражающие лексически оценку явления и с точки зрения говорящего, и с точки зрения какой-либо общественной группы: *добрый*, *злой*, *ужасный*, *страшный*, *милый* и т. д.; 3) слова, в которых понятие о чувстве или ощущении обозначается не лексически, а посредством суффиксов или приставок эмоциональной оценки: *столик*, *домик*, *ручонка*, *деревушка* и т. п.

С таким составом эмоциональной лексики согласиться никак нельзя. Первая и вторая группы никакого отношения к ней не имеют. Только слова третьей группы обладают определенной эмоциональной окрашенностью. Автор не указывает еще одну категорию эмоционально окрашенной лексики — просторечные слова (ср. *жрать*, *лопать*, *болтаться*, *шляться* и т. д.).

На стр. 137 отмечается, что «вся лексика современного русского языка делится: 1) на лексику письменного литературно-книжного языка и 2) на лексику устного литературно-разговорного языка». Далее автор рассматривает состав лексики первой разновидности литературного языка, а о том, что представляет собой лексика устного литературно-разговорного языка, ничего не говорит.

На стр. 142 говорится уже о разговорно-бытовой лексике. Что это такое? То же самое, что и лексика устного литературно-разговорного языка, или же нет? Разговорно-бытовая лексика включает в себя следующие категории слов: 1) слова диалектные, 2) слова просторечные, т. е. обиходно-бытовые, 3) слова арготические, 4) слова вульгарные, 5) слова бранные. Если это то же самое, что лексика устного литературно-разговорного языка, то почему же в числе отмеченных автором пяти категорий слов мы не находим так называемой разговорной лексики (отмечаемой всеми словарями), которая, занимая весьма видное место, является лексикой и т е р а т у р н о г о языка. Автор не видит стилистического различия между разговорной лексикой и просторечием. Просторечие оказывается включенным в разговорно-бытовую лексику.

Просторечие определяется недостаточно четко и последовательно. На стр. 18 сказано, что «просторечьем обычно называется особый пласт слов, употребляемый в разговорно-бытовой речи, не вошедший в общелитературный язык». На стр. 143 автор, ссылаясь на Ю. С. Сорокина, соотносящего просторечные слова со словами высокого, книжного и делового характера, поддерживает его утверждение о том, что «просторечью отказывать в употреблении в литературном языке нельзя».

В разделе о просторечной лексике автор не говорит, что он сам понимает под просторечием, ограничиваясь цитатой общего характера из статьи акад. В. В. Виноградова и указанием на то, что «просторечные слова нельзя смешивать с диалектизмами» и что «это особая стилистическая категория слов». В числе примеров просторечных слов и выражений (стр. 143) мы найдем немало слов, относящихся к разговорной лексике (*закрутить*, *поговорить начистоту*, *в семье не без урода*; *кто в лес, кто по дрова* и т. д.).

¹ Автор в качестве примеров эмоциональной лексики называет также слова: *нежность* (обозначает положительное качество), *грубость* (отрицательное качество), *честность*, *задушевность* и т. д.

На стр. 144 имеется раздел «Внелитературная лексика». Читателю остается неясным назначение этого раздела. Что такое внелитературная лексика? Если это просторечие, то зачем говорить об этом еще раз под иным названием?

На стр. 144—145 говорится о вульгарно-бранной лексике. В этом разделе ничего не сказано о тесной связи данной категории слов с просторечием. Неточно замечание автора о том, что только к разговорно-бытовой речи относятся противополагающиеся вульгаризм и евфемизмы. Значительная часть евфемизмов носит и книжно-литературный характер: ср. *в положении, хороший стул, был небрежен с казенными деньгами* и др.

Мы не будем останавливаться на седьмой главе «Фразеология русского языка» (стр. 147—159), которая представляет собой довольно удачное изложение учения акад. В. В. Виноградова о фразеологических единицах русского языка, а также на восьмой главе «Основные законы словообразования в современном русском языке» (стр. 160—172), по содержанию которой у нас нет принципиальных замечаний, и перейдем сразу к последней девятой главе «Сведения по русской лексикографии» (стр. 173—202).

Не может не встретиться сочувствия стремление в общем пособии по лексике дать характеристику и оценку важнейших словарей русского языка. В девятой главе автор предпринял смелую попытку на немногих страницах выяснить возможные типы словарей русского языка и разобрать почти все из имеющихся. Такая задача осложняется в значительной мере тем обстоятельством, что весьма немногие словари обстоятельно разобраны и критически оценены вообще. Естественно, что автор наиболее важные в каком-нибудь отношении словари разбирает полнее, но и при этом его внимание распределяется слишком неравномерно: об одних словарях сказано очень лаконично, например: «В 1852 году вышел в свет „Опыт областного великорусского словаря“» (стр. 195), в то время как характеристика других, как, например, словаря В. И. Даля, излишне растягнута и содержит повторения одного и того же. Несколько многословно и в излишне полемическом для учебного пособия тоне ведется разбор «Словаря русского языка», составленного С. И. Ожеговым. Далеко не всегда характеристика отдельных словарей содержит самые существенные сведения о них. Так, при сравнительном разборе словарей Российской Академии не сказано, что существенным отличием второго издания является алфавитный порядок расположения слов в нем, а наряду с этим зачем-то указываются годы выхода томов по отдельным буквам, после того как уже указывались в отдельности годы выхода I—VI частей. Словорасположение в «Словаре Российской Академии» 1789 г. характеризуется неоправданно скупо: сказано только, что слова в этом словаре расположены «гнездами, по алфавиту» (стр. 176). Но и в словаре Даля гнездовое расположение слов, и в первых трех томах издающегося сейчас АН СССР словаря имеется гнездовой порядок расположения слов, однако сами приемы гнездования в каждом из этих трех словарей различны.

К сожалению, никак нельзя признать удачным итог разбора «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Справедливо считая словарь Даля «всобразным и оригинально-неповторимым явлением русской культуры, отмеченным печатью высокой талантливости», автор находит, что он «вместе с тем изобилует большим количеством необоснованных и неверных положений» (стр. 180). Не может считаться обоснованным и заявление автора о том, что «Даль был врагом всего иностранного, он считал, что нужно изгонять иностранные слова и употреблять только исконно русские» (стр. 180); «изгоняя иностранные слова, Даль заменял их словами, сочиненными им самим» (стр. 181). Сам В. И. Даль по этому поводу писал: «Мы не гоним общей апафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи...»¹; «От исключения их из словаря чужих слов, их в обиходе конечно не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка»².

Не все сведения даже чисто внешнего характера, которые сообщаются о словаре Даля, точны и достоверны. Так, на стр. 180 (то же повторяется и на стр. 181) говорится: «Даль в первом издании расположил слова гнездами, а в последующих изданиях — уже в алфавитном порядке». Как известно, до третьего издания включительно (четвертое издание стереотипное) гнездовое расположение слов в словаре Даля сохраняется. В третьем издании (редактированном проф. Бодуэном де Куртэнэ) слова выносились из гнезд и ставились на обычном месте по алфавиту с указанием, в каком гнезде искать то или иное слово, и лишь начиная с буквы *н* гнездовая система ограничивается, но все же сохраняется.

Из-за разбросанности сообщаемых сведений, разрозненности оценочных определений общая квалификация и оценка словаря Даля выходит неотчетливой и неясной, а место, занимаемое этим словарем в истории русской лексикографии, остается не-

¹ В. Д а л ь, Полтора слова о русском языке (Полное собр. соч., т. X, СПб.— М., 1898, стр. 551).

² В. [И.] Д а л ь, Напутное слово («Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, 2-е изд., СПб.— М., 1880, стр. XIV).

выясненным. И это тем более странно, что предельно сжатая, но исключительно верная и глубокая характеристика и оценка словаря Даля в письме В. И. Ленина от 18 января 1920 г. к А. В. Луначарскому приводится автором на стр. 187 при характеристике словаря под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В. И. Ленин определяет словарь Даля как *о б л а с т н ы е с к и й* по основной его целенаправленности и лексическому составу, охватываемому им; автор же почему-то предпочитает назвать его «полудоблестническим» (стр. 181). Непонятен заключительный абзац раздела о словаре Даля: «При всей талантливости и горячей любви к русскому языку В. И. Даль не мог разрешить вопроса создания словаря русского литературного языка» (стр. 184). В. И. Даль никогда не рассматривал свой словарь как словарь литературного языка, и не может поэтому считаться «недостатком» то, что есть настоящее достоинство словаря Даля, что именно и делает его «оригинально-неповторимым явлением русской культуры». В. И. Даль рассматривал и недвусмысленно характеризовал свой словарь как *с о б р а н и е м а т е р и а л о в*, на основе которых складается литературный язык. В «Ответе на приговор» он писал: «И... никогда и нигде не одобрял безусловно всего, без различия, что обязан был включить в словарь: выбор предоставлен писателю»¹.

Очень бегло и общо характеризуется работа по созданию словаря в Академии наук в конце XIX—начале XX вв. Нечетко разграничены направления в работе двух академиков — редакторов словаря — Я. К. Грота и А. А. Шахматова. Указывается, что «увеличение объема словаря повлияло на его структуру» (стр. 185). Важен не столько объем словаря, сколько точка зрения нового редактора А. А. Шахматова на взаимоотношения русского литературного языка и диалектов; расширение задач словаря исключало возможность показа семантической перспективы при характеристике слова и необходимость его стилистической квалификации.

Недостатки двух выпущенных томов (I и II) «Словаря современного русского литературного языка», издаваемого в настоящее время АН СССР, обозначены в слишком общих чертах и без достаточного убедительных примеров; достоинством словаря признается его явный недостаток: «принцип гнездового расположения, — говорится на стр. 186, — был избран правильно». В томах этого словаря, начиная с четвертого, гнездовое расположение устранено и заменено алфавитным, как более отвечающим справочному назначению издания. Характеристика «Словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в основном, возражений не встречает, но и в ней обращает внимание обычная для рецензируемой главы сосредоточенность автора на несущественном в ущерб более важному. Так, на стр. 188 в качестве недостатка системы помет этого словаря указывается на то, что «не всегда удается провести четкую грань между вульгарными словами и фамильярными, между канцеляризмами и словами официального языка», но не делается общего вывода о том, что вся система помет этого словаря уже сильно устарела².

Приводит читателя в изумление заключительная фраза рассматриваемой главы: «Таково состояние лексикографии в нашей стране в настоящее время» (стр. 202). Глава посвящена в основном словарям далекого прошлого, современную же лексикографическую работу могут — и то лишь отчасти — охарактеризовать разбираемые в книге недавно вышедший словарь С. И. Ожегова и составляемый в настоящее время словарь АН СССР (о работе над которым, кстати, сказано весьма немного и не все верно). О размахе лексикографической работы в нашей стране, ее уровне и успехах могут свидетельствовать двуязычные словари и работа над ними в многочисленных республиках нашей страны, огромное число двуязычных русско-иностранных и иностранно-русских словарей, вышедших и выходящих в советскую эпоху. Но этой стороны дела автор вовсе не касается, вследствие чего его обобщающий вывод просто необоснован.

Заканчивая критическое рассмотрение учебника проф. Е. М. Галкиной-Федорук, следует заметить, что, несмотря на наличие целого ряда недостатков, «Лексика» окажется полезной книгой для студентов и преподавателей филологических факультетов и, несомненно, будет с благодарностью принята широким кругом читателей. Обсужденные пособия на кафедрах русского языка и в печати поможет автору устранить недочеты и сделать исправления, необходимые для второго издания. Следует пожелать автору разгрузить книгу от излишнего количества цитат, которые усложняют пользование учебником и нередко приводятся не к месту. Необходимо ликвидировать и некоторые небрежности речевого оформления*.

К. А. Тимофеев и А. М. Бабкин

¹ Там же, стр. LXXXIII.

² Ср. рецензию В. В. Виноградова на «Русско-украинский словарь» («Сов. книга», 1950, № 2).

* Кроме опубликованной выше, в редакцию поступили еще две рецензии на книгу Е. М. Галкиной-Федорук — П. А. Сергеева и В. П. Никифорова. Эти авторы, в общем положительно оценивая учебное пособие проф. Галкиной-Федорук, в то же время отмечают некоторые существенные его недостатки как в освещении теоретических вопросов, так и в изложении фактического материала. — *Ред.*